

Из земной юдоли в неведомые боли.

ЕГОР ЛЕТОВ

*Бога действительно нет,
но так и задумано!*

ПРОХОРОВ-ВАЛЕРЬЯНЫЧ

*И вновь июль... Полуденная вялость,
Привёз курьер китайскую лапшу...
Написан "Вертер" и закончен "Фауст",
А я "Юдоль" никак не допишу.*

I

Сразу после выхода на пенсию Андрей Тимофеевич Сапогов решил продать душу Сатане. А до того сорок лет просиживал штаны в окраинном собесе. Старик — обычный счетовод. Высок ростом, худощав, в середине туловища надлом, словно бы обронил ценную вещицу и теперь дальноторко выискивает: куда упала? Волосы даже не седые, а бледно-лимонные, точно крашенные или вылинявшие на степном солнце. Нос острый, на щеках впалая желтизна, глаза выпукло-василькового цвета.

Сапогов с малых лет сирота. Родителей не помнит. Вместо них две зыбких тени за спиной да запах горелых спичек. Возможно, Андрей Тимофеевич родился в каком-то скорбном северном посёлке. В полуснах видится счетоводу покосившаяся изба, сарай без двери, угрюмый чёрный лес, озёра с маслянистой водой. И будто тихий голос нашёптывает шизофреническую сказку, где всё перевёрнуто и разорвано, осквернены бессмыслицей сюжет, герои, время и мораль, ах, милая, я бы послушал такую сказку...

Вырастила Сапогова тётка Зинаида, скупая и набожная. Сызмальства опостытели Андрею Тимофеевичу лживая елейность, распятия да иконы, ежевечерние причитания над кроваткой: “Почему ж ты, Андрюша, маленьким не помер?!” Он поэтому и в комсомол не хотел вступать —

от названия молодёжной организации разило “богомольщиной”. И, видимо, неспроста после техникума Сапогов избрал для работы собес — за скрытую “бесовщину”, косяной цокот счёт; точно весёлые скелеты отбивают чётку на могильных плитах!..

Счёты у Сапогова старинные. Рама из благородной древесины, прутья медные, костяшки на звонких латунных втулках. Ещё крохой Андрей Тимофеевич обнаружил счёты в пропахшем ладаном тёткином шкафу. Трогал, гремел, катался по комнате, как безногий инвалид в тележке. И кто б мог подумать, что пригодится антиквариат во взрослой жизни.

С такими удивительными счётами всякое вычисление — колдовской обряд! При этом никаких чудес Андрей Тимофеевич за годы не нашёл, даже нормальной пенсии. Впрочем!.. Сослуживицу его Алевтину Захаровну (ту, что покупала в “Кулинарии” говяжий фарш, похожий на клубок дождевых червей) под треск сапоговских костяшек хватил удар. И ещё был случай: Андрей Тимофеевич, чертыхаясь, сводил дебет с кредитом, и посреди жаркого июля вдруг посыпал за окном мелкий колючий снежок.

Жил Сапогов тихо, аскетично. Сперва мужал, потом старел. Не уверен, случались ли у него мимолётные романчики с какой-нибудь машинисткой или бухгалтершей. Счетовод, пожалуй, остался девственником. Но Сапогов вовсе не бессильный евнух, лишённый желания или страсти. Просто Андрей Тимофеевич знает толк в красоте и не разменивается по мелочам. Ему, к примеру, нравятся актрисы итальянского кинематографа, дивы с дублированными голосами, а не бесформенно-гротескное бабье из собеса, которое переозвучил скотный двор — козы да свиньи. Ведь и я такой же, милая, никогда не искал компромиссы, лишь бы кто-то был, доступное туловище рядом, нет уж, лучше вообще ничего, тотальное одиночество, если красота далеко или не по зубам.

В конце семидесятых устроилась в собес на работу практикантка Лизанька: хорошенькая, с русой косой, кошачьими глазками. Нашего счетовода и бледно-лимонные его седины намеренно не замечала, а потом выскочила замуж за местного начальника с фамилией Лысак. Ну, не комедия?! Только вслушайся: Лизанька Лысак!

Неумолимый прогресс пытался принудить Сапогова перейти со счёта на арифмометр “Феликс”, но Андрей Тимофеевич проявил махровый консерватизм. Или же оказался туговат к новизне, не освоил прибор. Для окружающих Сапогов делал вид, что заводит шарманку “Феликса”, а работал по старинке. Даже когда воцарились калькуляторы, Андрей Тимофеевич остался верен счётам.

Но арифмометр всё ж помог ему. Сапогов пережил мистический, точнее сказать, религиозный опыт, когда в счётчике оборотов определилось нечто шестизначное, адресованное исключительно Сапогову. Интимное и тайное “число Зверя” — телефонный номер Нечистого. За спиной счетовода, где стояли вековые шкафы с бухгалтерией, замаячили призрачные родительские тени и пахло горелой спичкой. Далее случилось удивительное: подул за окном странный ветер, облака понеслись по небу с невероятной быстротой — о, нездешний призрачный ветер, как тогда, милая, в Крыму, помнишь, мы спустились в бухту, солнце ещё нещадно жгло, пахло нагретыми камнями, солью и водорослями, и морской демон, как утопленник, улыбался нам из-под воды.

Сапогов тайно звонил по селекторному телефону из кабинета начальства. На всех выделенных линиях завывала электрическая пустота, но Андрей Тимофеевич ощущал, что Инфернальное ждёт его. Номер Сапогов записал, а потом в житейской суете позабыл о Сатане...

Шли годы, сменялись портреты генеральных секретарей. Всё чаще сыпались на Сапогова язвительные замечания, что он, точно замшелая продавщица сельпо, излишне

шумно кладает костяшками. Электрические “Ятрани” машинисток стрекотали легионами цикад, но жаловались исключительно на Сапогова и его счёты. Андрей Тимофеевич то отмалчивался, то оправдывался.

Однажды стараниями Лысака в отделе умолкли печатные машинки и появился воркующий ЭВМ с флуоресцентной вязью монитора. Сотрудников, которых компьютер мог заменить, постановили уволить. Сапогов сразу попал под сокращение, тем более что и пенсионный возраст подоспел.

Но лучше б начальству не спроваживать на покой счетовода, перетерпеть костяной шум. Ибо Андрей Тимофеевич без работы окончательно озлобился. Старик одинок — ни жены, ни детей, полунищее прозябание ему омерзительно. Всё, что имеется у него, — комнатёнка в коммуналке, доставшаяся от покойной тётки. Разгневанным своим естеством Сапогов жаждет поклониться Сатане и сполна отплатить социуму за издевательства и унижения.

Он причащается Тьмы в майский вечер, когда из соседской квартиры доносится музыка какого-то зарубежного фильма. Старик прилипает большим бледным ухом к стене, впитывая тревожные хоралы на вульгарной латыни: “Sanguis bibimus! Corpus edibus! Tolle Corpus Satani!..” — и непривычный гундосый дубляж, как из преисподней.

Подозреваю, Андрей Тимофеевич подслушал увертюру к “Омену”.

Сапогов включает телевизор, ищет фильм на двух доступных ему государственных каналах — и не находит! Как будто у соседа транслируется особое параллельное Останкино. О существовании видеоманитофонов технически отсталый Андрей Тимофеевич не догадывается. В волнении он жжёт спички и жадно впитывает ухом звуковую активность. Неожиданно старик понимает, что стена-то внешняя и никаких соседей за ней в помине нет! Не так всё просто, милая...

Сапогов, потрясённый, спускается во двор. Малышня в песочнице обступила рыжий трупик хомяка. Какие взрослые у них лица! Не пресловутые цветы жизни, а особая раса городских пигмеев. Цветы смерти они, утомлённые собственным возрастом!

Из разговора ясно: зверька уронили с балкона. Девочка с огромными синими бантами клянётся, что хомяк ещё какое-то время был жив и перед смертью прошептал по-немецки: “Будьте вы все прокляты!”

“Seid ihr alle verdammt!” — повторяет Сапогов вслед за хомяком-мучеником. В комнату он возвращается с новыми планами на жизнь — посвятить себя Сатане и чёрной магии.

Счетовод полон энтузиазма, вот только необходимых знаний нет и взяться им неоткуда. Магические пособия в советских библиотеках, как известно, не выдаются, в книжных их тоже не купить. Разве в букинистических подвальчиках можно отыскать пожелтевшие хрупкие брошюры с гороскопами, сердечными приворотами и остудами — хлам прошлого.

Что-то под запах горелых спичек нашёптывают родительские тени, чему-то учат бредовые сны.

Сапогов для начала изготавливает гримуар. Берёт, что подвернулось под руку, — засаленный поварской том. Густо закрашивает обложку чёрным. От одного этого действия книга в понимании Сапогова делается злой. Отныне все рецепты в ней — заклинания для изготовления зелий, омерзительных на вкус и смертельных для здоровья.

Счетовод с ходу изобретает суп “Издых”. По аналогии с производством святой воды Сапогов, читая самодельные бесовские молитвы, звездообразно наливает преображённую сатанинскую воду в кастрюльку. Терзает овощи, представляя, как они вопят и корчатся от боли под пыточным ножом. Для пущей достоверности Андрей Тимофеевич плачет воображаемым голосом картошки, про-

сит о пощаде от лица в общем-то равнодушной к четвертованию моркови. К поваренному спектаклю вместо говядины Сапогов свежует мышь с перебитым мышеловкой хребтом; но в сути всё строго по рецепту.

Порченный суп Сапогов подносит соседке по коммуналке — Иде Иосифовне Грачевской. Старая гнида до пенсии преподавала математику в старших классах (у вашего почорного слуги в том числе). Училка сапоговской стряпнёй брезгует. Находчивый Андрей Тимофеевич тотчас меняет тактику, дескать, не угощает, а умоляет снять пробу: пусть настоящая хозяйка подскажет, как улучшить дилетантскую бурду. На это Ида Иосифовна соглашается, смачно бракует суп в самых грубых выражениях, недостойных пожилой еврейской матроны. Сосед-алкоголик Семён суп на мыши одобряет и выхлёбывает полную тарелку.

С Идой Иосифовной понятно — давно себе смертный приговор подписала. Все обиды и оскорбления сосчитаны. Семёну тоже не следовало огорчать Андрея Тимофеевича, пожил бы ещё. Разве Сапогов зажимал Семёна в коридоре, выбивая угрозами трояк на опохмел? Всё наоборот, поэтому и расплата.

Для сослуживиц из собеса Сапогов выпекает пирог “Квач” на жабах. Твари изловлены в ближайшей канаве, уморены голодом, а после перетёрты в порошок, который и подмешан в тесто. Предполагается, у вражин в желудках заведутся гады и земноводные.

В собесе Сапогова подстерегает неудача — никто не желает косой, приплюснутый, пованивающий болотцем пирог. Андрей Тимофеевич пытается манипулировать, пускает крокодилью слезу, но тётки не поддаются; одна только бухгалтерша Василиса Белякова куснула да украдкой выплюнула. Сапогов перед уходом тайно крошит выпечкой по углам, а где получается, и в дамские сумочки. Остаток пирога скармливает случайным дворовым выпивохам.

Сапогов подбирает на улице дохлых птиц, ощипывает и мастерит из перьев мерзкие аппликации, нашёптывая на них (по сути, звукозаписывая) рифмованные заклинания: “Чтоб тебя разорвало по законам Буало!” При этом о триединой драматургии спектакля эпохи классицизма он и не слыхивал!

Сапогов сразу же испытывает проклятие на грубиянке-продавщице из продуктового магазина — бормочет про Буало и подбрасывает веночек из воробьиных пушинок.

Колдовское чутьё у Андрея Тимофеевича недюжинное. Не зная о вуду и энвольтировании, счетовод лепит из теста фигурки. Сдобные копии недругов (разумеется, с добавлением вражьего биологического материала) Сапогов ехидно именует “ванечками” — по аналогии с пряничками.

Во времена моей юности для изготовления вольтов использовали пластилин или хлебный мякиш. В ходу бывали и корешки, особенно если напоминали формой человечка. А “снеговичками” или “снегурочками” назывались зимние болваны, с отсроченным, до тепла, проклятием; весной они таяли, и жертва, по идее, тоже таяла, чахла.

Экспериментального “ванечку” (с измельчённой пергидрольной волосиной Лизаньки Лысак) Андрей Тимофеевич отдаёт на съедение уличной безумице. Эта не первой молодости дама дни напролёт кружит по району со спелёнатым в кокон одеялом и заявляет каждому встречному, что жена эстрадного исполнителя Вячеслава Малезика, а в “пелёнках” его ребёнок, хотя там просто целлюлоидный пупс. Те немногие, кто удостоился лицезрения “потомства” Малезика, говорят, что пластиковое дитя без одной ножки.

Помню эту безобидную дурочку, милая; летом в вызывающем сарафане, зимой в каком-то нищем пальтеце...

Сапогов с ходу втирается в доверие, говорит, что “ванечка” — гостинец от супруга. Для пущей убедительности даже напевает строчку знаменитой песни: “А у лили-лили-путика ручки меньше лютика!”

Безумица съёт пряник пупсу, слизывая только сахарную пудру; но тут важно не количество съеденного, а сам факт употребления. Таким изощрённым способом Сапогов “инфицирует” предательницу Лизаньку психическим расстройством.

Собственно, на этом построена *magia contagiosus*, действующая по принципу липучей заразы. Вещица, которая находилась неделю в кармане у ракового хрыча, уже несёт в себе смертельные флюиды. Потом достаточно просто повесить её на дверную ручку — кто дотронется, тот и заболает...

Второго “ванечку” со слюной Лысака Сапогов хоронит в могиле трагически погибшей женщины; по слухам, неизвестный всю ночь полосовал её опасной бритвой. Счетовод через вольты как бы “скармливает” свою жертву этой ужасной смерти. Андрей Тимофеевич вообще уверен, что смерть не универсальная, одна на всех, фигура с косой, а безликое множество погибелей: от гриппа, под трамваем, с перепою. Несть смертям числа, как мухам.

С кондитерской порчей Сапогов снова навевается в собес. Шоколадные “трюфели” пользуются бóльшим спросом, чем самодельный пирог, и Андрей Тимофеевич в предвкушении потирает веснушчатые руки. Малолетнему соседскому выродку Дениске, который позволил себе когда-то посмеяться над поскользнувшимся в гололёд Сапоговым, злопамятный Андрей Тимофеевич подкидывает заряженную отборным диабетом конфету “Мишка на Севере”.

А чего стоит “Коктейль Сапогова”? Счетовод сознательно злится по любому поводу, в транспорте ли толкнули, яичница подгорела, доводит себя буквально до иступления, фигурально выражаясь, до белого каления (Сапогов

говорит “до белого колена”, как и покойная тётка; мне, кстати, тоже всегда слышалось “колено”, я его и представлял пятном неведомой проказы), а потом достаёт, к примеру, поллитровку из-под водки и умственно сцеживает туда свою эмоцию, плотно затыкает, как бы консервируя. Он не пропускает похороны, где плачут и скорбят. Всё это “закупоривает” в банки и бутылки. Такого арсенала с эмоциональной консервацией у него уже много, и парочку “гранат” он всегда таскает с собой. Однажды мимо Сапогова проехал неповоротливый грузовик — обдал из лужи грязью, а шофёр высунулся и обругал Андрея Тимофеевича. Сапогов бесстрашно выхватил “коктейль”, швырнул в борт машины с криком: “Сгори в огне моего гнева!” — подбил врага, и тот, должно быть, запылал голубым адовым пламенем!..

Сколько же я в своё время заготовил подобной консервации! Чего там только не было: ярость, боль, ревность, всепоглощающий ужас, отчаяние... Бабка моя Зинаида так закатывала помидоры, огурцы и патиссоны на зиму. Я, словно партизан, укрывался в засаде на железнодорожной насыпи среди гравия и буйных лопухов, забрасывал пролетающие поезда, товарные и пассажирские, связками этих “гранат”, готов был подорвать всех и вся, забросать ненавистью весь мир, чтоб он истлел, выгорел, корчась в самых разнообразных муках, — Божий мир, белый свет. А сколько бутылок и банок ждут своего часа на антресолях, крепчают, как дорогое вино!..

Однако, надо признать, хитроумные рецепты и проклятия у Сапогова не срабатывают — враги не гибнут, бабы из собеса не квакают, не разваливаются от диабета. Сапогов подозревает, что невозможно магически сразить кого-то, используя лишь свои личные силы. Самая великолепная гоночная машина не помчит по дороге без бензина. Сапогову тоже нужно топливо, которое вдохнёт энергию в моторы его колдовской самодеятельности. Вот